

фантастическая
история

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Игорь Чужин
Уйти, чтобы
не вернуться

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч-86

Чужин И.

Ч-86 Уйти, чтобы не вернуться: Фантастический роман.—
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 343 с.:
ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1274-7

Даже когда тебе кажется, что в тридцать два года твоя жизнь закончилась и ты ставишь на ней крест, конец этой жизни вполне может оказаться началом другой. Черeda нелепых случайностей... и ты уже не в нынешней России, а в Новгороде пятнадцатого века. 1462 год — это год, когда Древняя Русь стояла на перепутье и решалась судьба ее будущего. В смертельной схватке между Господином Великим Новгородом и Москвой одержал победу московский князь Иван III, и Русь на века попала в крепостническое рабство.

Как повернется судьба нашего с вами современника, заброшенного в прошлое? Сумеет ли он выжить и остаться человеком двадцать первого века или сгинет в кровавой пучине междоусобиц?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1274-7

© Игорь Чужин, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Хлопок раскрывшегося над головой купола старенького Д-6 вернул меня из мира мертвых в мир живых. Страх и безысходность, заполнявшие сознание, улетучились, и я лихорадочно начал искать пути спасения. До земли оставалось метров пятьсот, и у меня еще было время, чтобы попытаться выбрать место для приземления, однако подной раскинулась лесная чащоба без единой полянки. Любой десантник знает, что в восьми случаях из десяти приземление на лес заканчивается переломами и больничной койкой, а если не повезет, то и кладбищем. Единственным местом, которое более или менее подходило для безопасной посадки, являлся пляж на берегу реки, вот к нему я и пытался направить свой парашют.

Управлять десантным Д-6 весьма непросто, а при сильном ветре выбор места для приземления становится настоящей лотереей. К счастью, погода благоприятствовала моим потугам, и у меня имелся реальный шанс дотянуть до реки. Неожиданно по ушам ударил грохот мощного взрыва, и в небе вспыхнул огненный шар в полсотни метров в диаметре. Славу богу, что парашют уже отнесло на полкилометра от места межпространственного пробоя, иначе Александра Ивановича Томилина уже не было среди живых, потому что через пару секунд до меня докатилась ударная волна взрыва. Могучий удар смял купол парашюта, а затем крутанул мое тело словно куклу, привязанную к длинной веревке.

Правда, и на этот раз смерть прошла стороной, и вскоре парашют снова наполнился воздухом. Однако — не все коту масленица, и изменчивая фортуна в очередной раз

повернулась ко мне задом, так как после завершения этих цирковых кульбитов мне стало абсолютно понятно, что до реки дотянуть не получится.

Когда до верхушек деревьев оставались считанные метры, я перестал бороться со стропами парашюта и, сгруппировавшись, прикрыл голову руками. Каким-то чудом мое тело проскочило между ветвями и меня не насадило как шашлык на сломанные сучья. Я уже решил, что легко отделался, но спружинившая под моим весом верхушка дерева разогнулась, и меня с размаха впечатало животом в толстенный сук. Сильный удар выбил дыхание из груди, мое сознание померкло.

Я пришел в себя от треска автоматной очереди. Резко дернулся, и дыхание сразу перехватило от резкой боли в боку.

«Кажется, у меня сломаны ребра», — охнув, подумал я и схватился за левый бок.

Постепенно боль отпустила, и ко мне вернулась способность соображать. Оказалось, что звуки, которые я принял за автоматную очередь, на самом деле издавал дятел, добывающий себе пропитание на соседнем дереве. От испуга натянутые струной нервы едва не лопнули, но, видимо, мне пока не суждено съехать с катушек.

— Тьфу на тебя, зараза! Уймись, барабанщик хренов! — плюнул я в сторону пернатого возмутителя спокойствия и начал оглядываться.

Дятел только на мгновение перестал долбить сосновый ствол и, косо взглянув на меня, продолжил свою работу.

Осмотревшись по сторонам, я понял, что попал не по-детски, так как купол парашюта зацепился за верхушку высоченной сосны и моя тушка болталась примерно на высоте четвертого этажа. Дотянуться до ствола дерева или ближайшей ветки было невозможно. Чтобы спуститься вниз без ущерба для здоровья, мне срочно требовалось придумать какой-то удобоваримый план, иначе можно болтаться между небом и землей до второго пришествия.

Старый десантный способ, когда застрявший на дереве парашютист открывает запасной парашют и по его стро-

пам спускается вниз, был мне недоступен из-за отсутствия запасного парашюта. Видимо, беглецы в прошлое вместо него хотели пристегнуть к подвесной системе баул со своим багажом, поэтому запаска отсутствовала. Слава богу, что я не поддался искушению и прыгнул в портал налегке, иначе после взрыва мой труп с переломанными костями уже давно бы лежал на земле.

На выработку плана спасения ушло минут тридцать, а на его выполнение еще около часа, но мне все-таки удалось спуститься вниз, не сломав себе шею. Чтобы слезть с дерева, я сначала отстегнулся от подвесной системы, а затем, скрежеща зубами от боли, подтянулся на руках по стропам до ближайшей ветки, благо до нее было не больше пары метров.

Оседлав ветку, я немного передохнул, после чего начал решать, что же делать дальше. К счастью, в кармашке подвесной системы парашюта оказался стропорез, который мне весьма пригодился. С помощью этой пародии на нож я обрезал стропы, до которых смог дотянуться, а затем связал из обрезков длинную веревку с узлами. При наличии надежной веревки не проблема спуститься на землю, что я и сделал.

Как ни душила меня жаба, но купол парашюта так и остался висеть на сосне, хотя у меня на него были большие виды. Парашют застрял капитально, а я не обезьяна, чтобы скакать с ветки на ветку со сломанными ребрами. После трехчасового болтания между небом и землей меня дико мучили голод и жажда, и, позволив себе короткую передышку, я направился к реке, которую увидел еще в воздухе.

Видимо, переход из одной реальности в другую не прошел бесследно для моего организма, поэтому дорога через бурелом отняла последние силы, и я выполз из леса на берег реки уже на карачках. Меня трясло как в лихорадке, к тому же постоянно беспокоил отбитый бок, и каждое неловкое движение отдавалось в мозгу вспышкой боли. Голова гудела, словно колокол на Пасху, и в довесок ко всем этим бедам у меня начался сильный жар.

Попытка наклониться к воде едва не закончилась но-

вым обмороком. Зачерпывая воду ладонью, я кое-как утолил жажду и, рухнув набок, сразу провалился в беспокойный сон.

Конечно, мне следовало подыскать себе хоть какое-нибудь убежище, но на это не осталось ни сил, ни желания. Видимо, истерзанные нервы не выдержали перенесенного стресса, поэтому сон стал последней надеждой на спасение от надвигающегося сумасшествия, а сойти с ума было от чего.

ГЛАВА 1

Сначала расскажу немного о себе. Зовут меня Александр Иванович Томилин. Я родился в 1979 году в городе Туле. Мой отец был подающим большие надежды пианистом и лауреатом нескольких международных конкурсов. Однако по нелепой случайности он сломал левую руку и вынужден был пойти работать преподавателем в Гнесинское музыкальное училище. Во время лечения своего перелома отец познакомился с моей мамой, которая работала хирургом в Первой городской клинической больнице им. Н. И. Пирогова. У молодого пациента и симпатичной докторши произошел бурный роман, и уже через полгода после скоропалительной свадьбы на свет появился Саша Томилин.

«Я вышел ростом и лицом, спасибо матери с отцом» — так, кажется, написал Высоцкий? Вот и я унаследовал от отца высокий рост и отменное здоровье, а от матери аристократические черты лица и взбалмошный характер.

Созданная в результате незапланированной беременности моей матери молодая семья существовала вопреки общепринятым правилам, а зачастую и здравому смыслу. Молодожены уже на второй день после свадьбы перегрызлись, как кошка с собакой, а затем стали совершать регулярные попытки расстаться. Видимо, мои родители таким способом играли в любовные ролевые игры, потому что, когда дело доходило до официального развода, неожиданно наступало перемирие, за которым следовал очередной бурный медовый месяц. Мой отец был натурой творческой и ранимой, а мама обладала железным, но вспыльчивым характером и являлась его полной противоположностью.

Прагматизм матери и пылкость отца постоянно входили в противоречие, и я с младенчества жил в обстановке перманентного скандала. Когда мне исполнилось три года, предки в очередной раз решили развестись и сплавили меня в Тулу к бабушке и дедушке, где я и прожил до девятого класса, довольно редко общаясь с родителями, которым было не до своего отпрыска.

Моя бабушка работала хореографом в ансамбле песни и танца «Тульский хоровод» и часто бывала в разъездах, поэтому бремя моего воспитания полностью легло на плечи деда. Томилин Анатолий Владимирович — так звали моего деда, — был настоящим самородком и мастером на все руки. Может быть, я и не совсем беспристрастен, но Левша из сказки Лескова ему даже в подметки не годился, ибо дед из обычной табуретки мог запросто сделать самолет. Дед удачно совмещал любимые увлечения и добывание денег на жизнь, поэтому три дня в неделю руководил различными техническими кружками во Дворце пионеров, а в свободное время подрабатывал на полставки в Тульском государственном музее оружия. Однако у всех талантливых людей есть свои причуды, и дед имел довольно странное хобби — он изготавливал старинные музыкальные инструменты для народных ансамблей и реставрировал различную хозяйственную утварь для краеведческого музея, причем за смешные деньги.

Дед с бабкой постоянно находились в трудах и заботах, а любимый внук требовал времени. Увы, но ближайший детский сад, куда меня удалось устроить, располагался на другом конце города, и до него нужно было добираться на перекладных не менее часа, поэтому от такого решения проблем воспитания вскоре пришлось отказаться. В финансовом плане семья деда считалась неплохо обеспеченной, а потому для любимого внука решили нанять няньку. Однако нянька сбежала от Саши Томилина уже через неделю, а другой подходящей кандидатуры так и не нашлось. В результате этого обстоятельства я постоянно находился у деда во Дворце пионеров или у бабушки на репетициях «Тульского хоровода». Как ни странно, но такой

метод воспитания внука оказался не особо обременительным, и со временем от попыток куда-нибудь меня пристроить отказались.

У деда и бабушки были диаметрально противоположные взгляды на будущее внука, и они постоянно воевали между собой за мою невинную душу. Бабуля пыталась приобщить меня к музыке и мечтала направить по стопам отца, а дед считал, что мужчина должен заниматься серьезным делом и получить техническое образование. Хотя в наследство от отца мне достался абсолютный музыкальный слух, и, возможно, из меня получился бы неплохой музыкант, но Саша Томилин совсем не собирался вечерами пикировать на скрипке, когда его друзья занимаются куда более интересными делами. Поэтому я встал на сторону деда и наотрез отказался поступать в музыкальную школу и даже перетерпел показательную порку.

После этого случая бабушка демонстративно умыла руки и свалила заботы о будущем внука на плечи супруга, хотя не оставила надежду приобщить меня к миру прекрасного. Несмотря на категорический отказ поступить в музыкальную школу, отцовские гены все-таки дали о себе знать, и мне мимоходом удалось научиться играть практически на всех музыкальных инструментах из мастерской любимого деда, а также освоить нотную грамоту. Вот таким странным способом старшее поколение решило мою судьбу, и я с малолетства отирался рядом с дедом и перенял от него любовь к технике.

Чтобы я не путался под ногами, дед записал меня во все технические кружки Дворца пионеров, которыми руководил. Мои занятия проходили под его неусыпным контролем, поэтому к девятому классу я мог сделать своими руками даже черта лысого. Для меня не составляло особого труда изготовить стандартную модель самолета или копию парусного корабля, а ремеслу токаря и фрезеровщика я обучился до уровня настоящего профессионала.

Мои выдающиеся таланты вскоре были по достоинству оценены моим наставником и учителем, когда дед случайно нашел в моем верстаке великолепно выполненную ко-

пию нагана, для которого я еще не успел изготовить самодельных боевых патронов. Способы изготовления черного и бездымного пороха я уже изучил на практике по стыренному из городской библиотеки довоенному справочнику и даже ухитрился получить кристаллы гремучей ртути для капсулей.

Ртуть мы с приятелем добывали из градусников, а азотную кислоту купили в Москве в магазине химических реактивов. Как мы с другом остались в живых после наших химических опытов, даже ума не приложу.

Дед, обнаружив улики моей преступной деятельности, выпорол меня как сидорову козу, после чего я перестал заниматься опасной ерундой, но он, зная мою настырность, пошел на более жесткие меры. На экстренном семейном совете было решено, чтобы я не натворил бед, отправить отбившегося от рук внучка доучиваться к родителям в Москву.

Эпоха криминального технического творчества на этом закончилась, а переезд в Москву окончательно оторвал меня от привычного образа жизни. К тому времени я из угловатого подростка окончательно превратился в юношу, в организме заиграли гормоны, поэтому вместо железок меня стали интересовать девушки. Умение играть на гитаре и неплохой голос позволили мне стать солистом школьного ансамбля, а постоянные репетиции до позднего вечера полностью отвлекли меня от учебы. Вскоре мой дневник заполнился колами и двойками, однако мама вовремя поняла, что ее сын катится по наклонной, и взялась за меня всерьез. Благодаря неусыпному контролю в 1997 году я успешно окончил школу и по протекции матери поступил во Второй мед. Учился студент Александр Томилин ни шатко ни валко, но обилие женского пола и благосклонное отношение девушек к его ухаживаниям скрашивали тяжелые студенческие будни.

Возможно, моя судьба сложилась бы совсем по-другому и я стал бы врачом, но случилась беда, которая предопределила будущее беззаботного студента. В декабре 1999 года мои родители погибли в автокатастрофе, когда возвраща-

лись домой с предновогоднего корпоратива. Отец не удержал машину на скользкой дороге, и она, пробив ограждение, упала в Язу, где сразу провалилась под лед, поэтому у родителей не было шансов спастись.

Неожиданно осиротев, я окончательно съехал с катушек и пустился во все тяжкие, оправдывая свой юношеский идиотизм переживаниями, вызванными смертью родителей. Если ты постоянно ищешь приключений на свою задницу, то обязательно их найдешь, и в апреле 2000 года я ввязался в общаге в драку, после которой с треском вылетел из Пироговки. Мало того, в этой драке один из моих дружков серьезно порезал какого-то парня, и, чтобы не сесть на нары за компанию, мне пришлось срочно уйти в армию добровольцем.

В военкомате призывнику Саше Томилину дико «повезло», и он попал служить в 76-ю гвардейскую Черниговскую Краснознаменную десантно-штурмовую дивизию, дислоцированную в Пскове. Правда, благодаря своему незаконченному медицинскому образованию я вскоре стал сержантом и санинструктором батальона, но простые армейские будни меня не миновали. Пришлось помахать кулаками, отбиваясь от наскоков «дедов», и мыть по ночам зубной щеткой унитаза, но сломить себя я не позволил, а со временем служба наладилась.

Примерно через год после призыва наш батальон направили в Чечню, где я хлебнул лиха по полной программе. Конечно, Александр Томилин не геройствовал в спецназе, уничтожая банды боевиков, но побегать по горам и поползть под огнем, вытаскивая с поля боя раненых, мне доводилось не раз. За свои подвиги я даже получил медаль «За отвагу», хотя перетрусил в том достопамятном бою до икоты, а кровь и трупы мне потом еще пару лет снились по ночам.

В мае 2002 года Саша Томилин ушел на дембель, полностью избавившись от наивных детских иллюзий о войне, испытав на собственной шкуре всю подноготную солдатских подвигов и героизма. Вернувшись в Москву, я встретил старого друга Андрея Селиверстова, который в

отличие от меня откосил от армии и успешно трудился в фирме своего отца. Андрей по старой дружбе устроил меня в свою контору, где бывшему десантнику удалось в полной мере проявить свои недюжинные технические таланты.

Наша фирма занималась реставрацией ретроавтомобилей, а я изготавливал для богатых фанатиков автомобильной истории «оригинальные» запчасти, которые уже десятилетия как не выпускались. Руки росли у меня из нужного места, поэтому при наличии хорошего станочного парка я решал самые головоломные проблемы. Постепенно я стал серьезным экспертом по техническим вопросам и даже возглавил отдел реставрации ретротехники. Эта работа неплохо меня кормила, к тому же мне очень нравилось возиться с раритетами автомобилестроения.

Для поднятия собственного статуса и чтобы не чувствовать себя ущербным, я решил получить корочку о высшем образовании, которая фактически ничего мне не давала. Чтобы снова не заморачиваться с медициной, я осенью 2002 года поступил в Московский технологический университет, в простонародье «Станкин». Учеба на вечернем отделении не напрягала, а при наличии денег вообще не являлась проблемой, хотя я старался не отлынивать от занятий, так как учился за свой счет.

Дружба с Андреем крепла день ото дня, и в июле 2003 года мы вместе уехали отдыхать в Крым. В Евпатории нам на пляже повстречалась веселая компания девушек из Днепропетровска, которые с радостью приняли ухаживания перспективных московских кавалеров, и пошло-поехало.

Была в этой компании синеокая богиня — Оксана Загоруйченко, в которую мы с Андреем влюбились по уши. Андрей покорял Оксану, используя свои финансовые возможности, но куда ему до героического десантника и героя Чеченской войны. Курортный роман закончился моей пирровой победой, так как вскоре я получил от Оксаны известие, что она беременна, и мне, как честному человеку, пришлось срочно жениться. Если до конца быть правдивым, то скоропалительная женитьба не была мне в тягость,

потому что я действительно влюбился в украинскую красавицу.

В конце октября 2003 года отгремела наша веселая свадьба, а уже в мае 2004-го у меня родился сын Павел. Мы прекрасно уживались с Оксаной, и семейная жизнь меня радовала.

В сентябре 2005 года я должен был отправиться во Франкфурт на встречу с богатым клиентом, чтобы оценить объем реставрации раритетного «мерседеса», на котором, по слухам, ездил сам Борман. Этот заказ был очень интересным и весьма выгодным, к тому же он мог сделать мне имя в реставрационном бизнесе Европы. Я даже распланировал, куда потрачу заработанные деньги, но злая судьба распорядилась по-своему.

Загудели двигатели, «боинг» начал вырывать на взлетную полосу, и я отзвонился жене, что улетел. Однако когда наш самолет набрал высоту, то у него не убралось шасси, и мы долго кружили над аэродромом, сжигая горючее. После аварийной посадки рейс отложили на следующий день, и я, врезав стакан коньяка для снятия стресса, вернулся домой на такси.

Чтобы не будить любимую жену, я открыл дверь своим ключом и сразу попал в анекдот — «вернулся муж из командировки». В общем, я застал лучшего друга Андрея в постели со своей любимой женой Оксаной.

Сначала была немая сцена из «Ревизора», а потом начался скандал. Так слово за слово я наговорил жене кучу гадостей, после чего Оксана в запале заявила, что Павел не мой сын, а сын Андрея. Я не поверил, но она сказала, что они с Андреем уже сделали генетическую экспертизу, и достала из шкафа какую-то бумажку. Возможно, все и закончилось бы миром, но Андрей вступился за Оксану, когда я дал ей пощечину и обозвал шлюхой. После такого поворота событий у меня окончательно поехала крыша, и я врезал супруге кулаком в лоб, а когда Андрей бросился на меня, то отделал, его как Бог черепаху.

Когда пелена злобы спала с глаз, я сам вызвал «скорую» и оказал первую помощь пострадавшим. У Андрея оказал-

ся сломанным позвоночник, и его парализовало, а любимой жене я выбил четыре передних зуба и сломал челюсть в двух местах. Когда Андрея и Оксану увезли в больницу, я сходил в ближайшую палатку за водкой и, сидя на кухне, заливал свое горе, пока не приехала милиция. Вот таким образом счастливая семейная жизнь Саши Томилина в одночасье рухнула под откос.

Дали мне шесть с половиной лет, из которых я отсидел четыре, выйдя на волю по УДО. Парализованный по пояс Андрей не смог смириться с жизнью в инвалидной коляске и через два года покончил с собой, выбросившись из окна. Оксана так и не вышла замуж за Андрея, а после его смерти продала нашу московскую квартиру и вернулась к родителям на Украину.

Тюрьму и зону я толком не помню, потому что все эти четыре года слились в моей памяти в одно серое мрачное пятно. Прожитые словно под копирку годы прошли мимо моего сознания, и монотонные тюремные будни не задержались в памяти. Наверное, это была защитная реакция организма на жестокий удар судьбы, и, чтобы не свихнуться, я закрылся от внешнего мира в своеобразной скорлупе. Все эти годы зэка Александр Томилин занимался ремонтом станочного парка лагерного деревообрабатывающего завода и практически не обращал внимания на то, что происходит вокруг него. Конечно, лагерные братки делали попытки проверить нового сидельца на вшивость, но я зло отбивался, и меня вскоре оставили в покое. Взять с меня было нечего, а связываться с больным на всю голову десантником было себе дороже. Видимо, угрюмый зэк, добросовестно, а главное, молча выполнявший порученную ему работу, понравился лагерному начальству, и мне неожиданно скостили срок по УДО.

После освобождения я вернулся в Тулу, потому что московская квартира была продана, а в Туле мне остался в наследство дом деда. Мои старики не вынесли кошмара событий, произошедших с их сыном, а затем и с любимым внуком, поэтому умерли один за другим всего за полгода до моего освобождения.

Выйдя на волю, я навестил родные могилы и попытался наладить жизнь, но все как-то не задалось. Попытки найти нормальную работу закончились провалом, я буквально за гроши устроился дежурным электриком в полуразвалившийся НИИ и запил. Добираться до дома после работы было далеко, а в пьяном виде практически невозможно, так что я частенько оставался ночевать на работе. График у меня был посменный, а потому топчан в дежурке электрика был занят моим напарником. Спать в цеху на верстаке не лучший вариант, но, на мое счастье, в подвале экспериментального корпуса НИИ находилось старое бомбоубежище, где я оборудовал себе схрон, в котором и обосновался.

Свобода не принесла мне ни радости, ни счастья, и Александр Томилин покатился по наклонной плоскости, балансируя на грани увольнения за пьянку и прогулы. С клеймом ээка устроиться в жизни ох как непросто, и если бы я потерял работу, то наверняка забомжевал бы или снова ушел на зону.

В начале 2010 года подвал НИИ, где я устроил себе жилище, взяла в аренду непонятная контора, которая завезла кучу импортного оборудования и начала что-то химичить в центральном бункере бомбоубежища. Посторонний народ к подвалу экспериментального корпуса и близко не подпускали, но там находилось мое убежище, ставшее для меня вторым домом. На мое счастье, а может быть на беду, вход в схрон был спрятан за вентиляционным коробом в помещении электрощитовой, куда я, как дежурный электрик, имел беспрепятственный доступ, чем и пользовался.

Восьмиметровый закуток, в котором я безвылазно находился в нерабочее время, отделяла от центрального бункера тонкая фанерная перегородка. Стены бункера были оклеены обоями под плитку, скрывавшими фанеру, поэтому внешне перегородка ничем не отличалась от монолитной бетонной стены. Люди, знавшие о существовании схрона, давно уже уволились из дышащего на ладан НИИ, поэтому о нем просто забыли.

Новые хозяева всего за неделю очистили бункер от хла-

ма, но капитальный ремонт помещений из-за экономии делать не стали, а следовательно, не обнаружили мое убежище. Нежданные соседи завезли в подвал три фуры с оборудованием и какими-то запчастями, после чего собрали в центральном бункере таинственный агрегат, соседство с которым полностью поломало мой привычный распорядок дня. Установка странного вида потребляла прорву электроэнергии, в результате чего в электрощитовой постоянно выбивало автоматы защиты и горели вставки предохранителей, к тому же агрегат достал меня своим гулом.

Постоянные сбои электроснабжения загружали меня дополнительной работой и трепали нервы, однако после разговора на повышенных тонах с виновниками аварий мне удалось договориться о приличной материальной компенсации. Прибавка к зарплате, конечно, грела душу, но мой послеобеденный сон оказался нарушенным, а потому я, вместо того чтобы тихо кемарить в своем закутке, был вынужден выслушивать бурные дебаты за фанерной стенкой.

Командовали беспокойным хозяйством два лохматых «ботаника» довольно стремного вида, которые что-то там изобрели и теперь пытались заработать денег на своем открытии. Звали патлатых парней Паша и Витя, и они явно были не от мира сего. Ребята практически не следили за своим внешним видом и от бомжей отличались только очками, ибо, кроме своей работы, абсолютно ничем не интересовались.

В те времена мне даже на себя любимого было наплевать, тем более чужие заботы бывшего зэка волновали мало. Именно по этой причине я абсолютно случайно узнал, что два очкастых чудака соорудили в бомбоубежище настоящую машину времени. Поначалу я едва не помер от смеха, но затем проковырял в фанере дыру и установил скрытую камеру, которую скоммуниздил у начальника охраны. Старенький ноутбук заменил мне монитор видеотерминала, и я с любопытством стал наблюдать за тем, что творится за стеной.

Несмотря на мой здоровый скептицизм, очкарики дей-

ствительно создали работоспособную машину времени, а не очередной липовый вечный двигатель, мало того, они смогли с ее помощью пробить окно в прошлое. Сначала это окошко было совсем маленьким, и в него можно было просунуть только небольшую видеокамеру. Однако со временем экспериментаторам удалось расширить окно портала до диаметра полутора метров, но тут у изобретателей начались серьезные проблемы с финансами, и работа застопорилась.

Там, где срочно нужны большие деньги, всегда воняет криминалом, поэтому горе-бизнесмены банально попали на бабки. Чтобы закончить свои эксперименты, больные на всю голову изобретатели сдуру обратились к какому-то криминальному авторитету, пообещав тому золотые горы, когда установка заработает.

Планируемый способ добычи денег был простым и на первый взгляд весьма эффективным. Путешественники во времени намеревались отправляться в прошлое, чтобы скупать у признанных ныне живописцев картины, которые стоили в те годы сущие гроши. Эти картины ребята планировали прятать в банковскую ячейку в Швейцарии или закапывать в герметичном контейнере в укромных местах, чтобы полотна прошли естественное старение. По возвращении из прошлого путешественники во времени намеревались извлекать шедевры на свет, а затем продавать на аукционах типа Сотбис. Авторство Мане или Тициана подтверждалось подлинной купчей на картины, а естественное старение обеспечивало прохождение самой придирчивой экспертизы. Увы, но благими намерениями выстлана дорога в ад, а мечты зачастую очень далеки от реальности.

Первые эксперименты полностью подтверждали расчеты изобретателей, но в процессе работы выявились весьма неприятные нюансы. «Дьявол прячется в мелочах» — гласит народная мудрость, так произошло и на этот раз. По невыясненной причине портал в прошлое открывался только на высоте километра над землей и двигался относительно ее поверхности со скоростью ста двадцати километ-

ров в час. При этом портал постепенно отдалялся от Земли и уходил в космос, а потому относительно безопасный проход в прошлое открывался всего на несколько минут.

Из-за этого обстоятельства оказалось, что вернуться из прошлого в наше время практически невозможно, так как новый портал открывался в другой географической точке, которую заранее просчитать не удавалось. В принципе имелось несколько вариантов решения этой проблемы, но неожиданно выяснилось, что мир, в который открывается портал, скорее всего, не является нашим историческим прошлым. Паша и Витя узнали об этом совсем недавно, сбрасывая через межвременной портал радиоактивные стержни, предназначенные служить маяками для будущих тайников с картинами. Стержни сбрасывались в местах с надежно определенными координатами, однако ни одна посылка из прошлого не вернулась. Ребята буквально прочесали местность, где должны были находиться маяки, но самая чувствительная аппаратура не обнаружила следов радиации. Друзья по несчастью фактически поселились в бункере, пытаясь найти способы решения возникших проблем, но лишь убедились, что путешествие во времени — это дорога в один конец.

Молодые изобретатели совершили эпохальное открытие, но это не очень их радовало. В бомбоубежище уже несколько раз наведывался криминальный спонсор проекта, злобная рожа которого сразу убедила меня в том, что ребят легко закатают в асфальт за потраченные ими пять лимонов зелени. Горе-бизнесмены уже понимали, во что они вляпались, но деньги были потрачены, и отступить стало некуда.

На зоне мне пришлось лично познакомиться с нравами криминальных авторитетов, и я прекрасно знал, что ребята попали не по-детски. Спонсор требовал отдачи от потраченных средств, а должники тянули время, пытаясь найти пути спасения.

Во время очередного визита бандиты поставили ребят на счетчик и заставили, угрожая расправой, переписать на них все имущество и квартиры. Видимо, ситуация обо-

стрилась до предела, потому что ребята надумали удрать через портал в прошлое. Перепуганные угрозами бандитов изобретатели начали подготовку к побегу и для этого даже притащили в бункер два десантных парашюта, но сбежать они не успели.

Когда путешественники во времени в очередной раз обсуждали план побега, в бункер неожиданно появились бандиты во главе со своим паханом, который откуда-то узнал, что его решили кинуть на бабки. Сначала Пашу и Витю жестоко избили, а когда они признались, что эксперименты денег не принесут, то обоих ребят пристрелили прямо возле выходящей на рабочий режим машины времени.

Я сидел в своем схроне, словно мышка в норке, и боялся даже чихнуть, прекрасно понимая, что попал в очень опасную ситуацию. Если бандиты узнают, что у их преступления есть свидетель, то за жизнь бывшего зэка никто не даст даже ломаного гроша, поэтому мне не оставалось другого выхода, как срочно сматываться из Тулы.

Пока я обдумывал пути отступления, пахан приказал бандитам принести в бункер канистры с бензином и сжечь здесь все к чертовой матери. Такой поворот событий предопределил мою дальнейшую судьбу, хотя я никаким боком не касался этих разборок, а просто оказался рядом в неудачное время.

Мне не хотелось сгореть заживо, поэтому я стал потихоньку пробираться в щитовую, чтобы сбежать из подвала, но опоздал. На мою беду, выход из убежища уже охранял один из бандитов, поэтому я замешкался. Мне нужно было сразу идти на прорыв, но, пока я раздумывал, братки уже зажгли бензин в тамбуре перед выходом, и бежать стало некуда.

Огонь загнал меня обратно в помещение щитовой, поэтому мне пришлось возвращаться в схрон. Здесь я выбил ногой фанерную стенку и вылез в помещение центрального бункера, где располагалась машина времени. У меня имелся призрачный шанс выбраться из подвала через аварийный выход, но дверь в туннель оказалась заварена

электросваркой, и мне стало абсолютно понятно, что ловушка захлопнулась.

Я бегом вернулся в бункер, где уже вовсю горела входная дверь, а от заполнившего помещение удушливого дыма першило в горле и слезились глаза. В этот момент неожиданно заработала машина времени, и на круглом подиуме установки открылось окно портала. Это был единственный путь к спасению, и я опрометью бросился к лежащему неподалеку парашюту.

За два года службы в десанте мне всего пять раз доводилось прыгать с парашютом, но вколотенные инструкторами навыки не подвели, и уже через минуту сержант Томилин стоял на краю портала с парашютом на спине. Огонь в любое мгновение мог нарушить электроснабжение установки, поэтому медлить было нельзя, и я не раздумывая нырнул в мерцающее окно портала.

Воспаленный мозг, словно секундомер, отсчитывал время, и на пятой секунде рука сама рванула кольцо. Я сделал все, что зависело от меня, поэтому теперь оставалось только молить Бога, чтобы парашют раскрылся.

ГЛАВА 2

Мое сознание медленно, словно нехотя выплывало из забытья. Тело замерзло и затекло от долгого лежания на камнях, но я чувствовал себя значительно лучше. Боль в помятых ребрах меня практически не беспокоила, однако мне с трудом удалось подняться на затекшие ноги. Чтобы прогнать остатки сна, я, как смог, размял мышцы, а затем, ополоснув лицо водой из реки, сел на торчащую из песка корягу. В голове наконец прояснилось. Я огляделся по сторонам. День уже клонился к вечеру, и мне пора было обустроить место для будущего ночлега.

Если судить по листьям деревьев и молодой траве на берегу, то сейчас конец мая или начало июня, поэтому ночью должно быть довольно прохладно. В моем теперешнем состоянии запросто можно подхватить воспаление легких,

что при нынешних раскладах гарантировало путешествие в мир иной.

Первым делом я вывернул карманы, чтобы определиться со своими запасами и возможностями. Помимо стропореза в нагрудном кармане спецовки я обнаружил крестовую отвертку с индикатором напряжения, а также горсть мелочи и мятую сторублевую купюру.

«Негусто», — подумал я и зло плюнул себе под ноги.

Во время службы мне довелось пройти стандартный курс выживания, а когда наш батальон геройствовал в горах, я на деле научился неплохо обустроиваться в полевых условиях. Однако тогда перед каждым боевым выходом проводилась тщательная подготовка, и у меня были с собой как минимум оружие, саперная лопата, штык-нож и сухой паек. Увы, но на этот раз я оказался в лесу фактически с пустыми руками, хотя мог вместе с парашютом прихватить баул, который приготовили для бегства Паша с Витей. Правда, в тот момент счет времени шел буквально на секунды, и если бы я замешкался с баулом, то, скорее всего, сгорел бы заживо. Был вариант просто выбросить баул в портал, но найти в дремучем лесу выброшенный с километровой высоты мешок было практически невозможно.

«Снявши голову, по волосам не плачут, так что придется обходиться тем, что есть», — подумал я и занялся поисками места для ночлега.

Мои поиски вскоре увенчались успехом, и я решил обосноваться в естественной нише, образовавшейся на крутом берегу реки. Выступающий козырек гарантировал укрытие от дождя, а защитой от ветра должен был стать плетень, который я намеревался соорудить из веток растущих поблизости кустов. Затратив несколько минут на заточку лезвия стропореза о камень, я довольно быстро нарезал веток, а примерно через час у меня появился небольшой шалаш, в котором можно было перекантоваться пару дней. Мне было неизвестно, куда меня занесло, а потому, прежде чем отправляться на поиски местного населения,

требовалась хотя бы минимальная подготовка к возможным в дороге проблемам.

Фантастические события прошедшего дня с трудом умещались в голове, тем более жизнь давно научила меня верить только собственным глазам и фактам. Увы, но жизненный принцип «Не верь, не бойся, не проси» за четыре проведенных на зоне года был вбит в голову Александра Томилина на уровне подсознания. Именно по этой простой причине у меня имелись серьезные сомнения в том, что я оказался в прошлом. Если исходить из вида окружающей меня местности, то, скорее всего, меня выкинуло через портал куда-то в Южную Сибирь или на Дальний Восток. Плотность населения в этих районах России невелика, видимо, только поэтому мне пока не попались на глаза следы человеческой деятельности.

Закончив постройку укрытия, я озаботился пропитанием. Гоняться с дубиной по тайге за диким зверьем было глупо. Крупные обитатели дремучего леса сами могли запросто слопать безоружного охотника, поэтому было решено заняться рыбалкой. Вырезать примитивную острогу из подходящей ветки не составило большого труда, и я вскоре спустился к реке в поисках добычи. Увы, но в прошлой жизни мне не доводилось заниматься рыбалкой, я только теоретически представлял, как нужно охотиться с острогой, однако других способов добыть себе пропитание не было. На мое счастье, рыбы в реке оказалось много, и уже через полчаса мне удалось добыть трех довольно крупных рыбин.

Давиться сырой рыбой я не хотел, а потому передо мной во весь рост встала проблема добычи огня. Увы, но Саша Томилин не курил даже в детстве, а следовательно, ни спичек, ни зажигалки у меня при себе не оказалось. В Чечне на занятиях по выживанию нас учили, как добыть огонь в походных условиях, но практические навыки у меня отсутствовали.

Для начала я постарался вспомнить, что рассказывал на эту тему наш инструктор по выживанию капитан Неделин, и только затем приступил к делу. Главной деталью приспособ-

собления для добычи огня являлся капроновый шнурок от кроссовок, ставший тетивой небольшого лука. Тетиву этого лука я в один оборот обмотал вокруг короткой сухой палки, в результате чего у меня получилась допотопная дрель. По заверениям капитана Неделина, это изобретение наших далеких предков должно было помочь мне добыть огонь трением.

Выбрав поблизости от шалаша место для будущего костра, я немедленно занялся исполнением своих планов. Наломать в лесу веток с сухостоя и раздобыть кусок засохшего мха несложно, поэтому мне довольно быстро удалось собрать все необходимые ингредиенты.

Закончив приготовления, я прижал конец короткой палки ладонью левой руки к полуметровому обломку сухого бревна, а правой рукой начал вращать ее с помощью лука словно сверло. Мне понадобилось пять минут, чтобы приноровиться к древним инструментам, после чего появился первый дымок. К счастью, человек двадцать первого века оказался не глупее неандертальца, и уже через полчаса у моих ног горел небольшой костерок.

После того как я разжег костер, можно было приступить непосредственно к приготовлению горячей пищи. Вода и глина на берегу реки имелись в изобилии, поэтому замесить глину и обмазать ею выпотрошенную рыбу не составило труда. Затем я закопал свой улов в землю, а сверху разложил новый костер. Через час дрова прогорели, и я решил проверить, что же у меня получилось. Конечно, рыба без соли тот еще деликатес, но есть ее было можно, а если учесть терзавший меня зверский голод, то незатейливый ужин растворился в желудке всего за несколько минут.

Приятное тепло разлилось по телу, и пришло время устраиваться на ночлег. Когда я строил свой шалаш, то соорудил внутри него ложе из сухой травы и елового лапника, так что мне оставалось только закрыть вход плетеной калиткой и завалиться спать.

«А жизнь-то налаживается!» — подумал я, устраиваясь поудобнее, и вскоре провалился в сон.

Практически весь следующий день я только отдыхал и

отъедался, неспешно обдумывая свои последующие действия. Рыбалка легко обеспечила мне пропитание, а потому появилась возможность заняться и другими неотложными делами. Погода стояла отличная, и ничто не мешало мне тщательно обследовать ближайшие окрестности в поисках полезных в дороге вещей.

На первом месте в списке моих планов стояло изготовление оружия, а на втором — походной сумки или рюкзака. На третье место я поставил обувь, потому что мои дешевые китайские кроссовки явно не выдержат длительного перехода по бездорожью.

В данный момент я был вооружен самопальной острогой, которая годилась только для охоты на рыбу. Увы, но отбиться этим прутиком от волка или медведя было невозможно, поэтому я решил вооружиться гибридом копья и дубинки. Мой выбор был довольно странным, но я не японский ниндзя, чтобы крушить врагов боевым посохом или копьем, которых у меня, кстати, и не было. Вот с саперной лопаткой или штык-ножом я мог преподать любому ниндзя несколько уроков рукопашного боя, но эти предметы находились вне зоны моей досягаемости.

Заготовкой для моего копья-дубинки стало молодое дерево, из комля которого я выстругал основание палицы. Затем я заточил конец метровой рукоятки, превратив палицу еще и в короткое копьё. Чтобы сделать свое оружие прочнее, мне пришла в голову идея обжечь острие рукоятки на костре, что я и сделал.

Завершив работу, я устроил небольшой бой с тенью, чтобы приноровиться к новому для себя оружию. Помятые ребра еще побаливали, поэтому особого восторга от упражнений со своей самоделкой я не испытал, но отмахнуться от волка или молодого медведя дубинка вполне позволяла. Палица позволяла держать потенциального противника на небольшом расстоянии, но мне требовалось оружие для боя накоротке. Стропорез в качестве оружия ни на что не годился, по этой причине мне пришлось выстругать острый колышек, который должен был заменить собой кинжал.

Современный человек живет в мире железа и стали, а потому наивно полагает, что деревянный колышек абсолютно безопасен. Бытует довольно широко распространенное заблуждение, что сильным бойца делает именно огнестрельное оружие или, на худой конец, стальной нож, однако это далеко не факт. Конечно, с голыми руками против автомата не попрешь, но любое оружие опасным делает человек, который умеет грамотно его применить. Зачастую опытный боец с обычным карандашом в руке куда опасней трусливого лоха с пулеметом.

В мою бытность на зоне простой деревянной щепкой отправили на тот свет четверых недоумков, которые недооценили ее как оружие. Остро заточенный кол легко можно воткнуть в горло или глаз противника, а человек сделан не из железа.

Прыжок в межвременной портал отрезал Александра Томилина от прежней жизни, а следовательно, и от ее распорядка. Теперь мне никуда торопиться было не нужно, поэтому после рыбалки и сытного обеда я немного вздремнул в шалаше.

По окончании двухчасовой послеобеденной сиесты я занялся изготовлением обуви и рюкзака. Еще во время поисков заготовки для палицы мне на пути попала небольшая липовая роща, которая могла обеспечить меня прекрасным лыком. Конечно, обдирать кору с деревьев варварство, но сейчас стоит вопрос о моем выживании, поэтому я легко наплевал на экологию.

Хотя я родился и вырос в технически продвинутом двадцатом веке, способы плетения лыковых лаптей не являлись для меня тайной за семью печатями. В голодные девяностые годы мой дед плел на продажу из лозы и лыка различную хозяйственную утварь, что пополняло наш сильно оскудевший семейный бюджет. Мне, несмотря на юный возраст, тоже довелось принимать активное участие в этом бизнесе, так как кушать хочется всегда. Самым ходовым товаром нашей семейной фирмы неожиданно оказались сувенирные лапти, которых я сплел под руководством деда

не один десяток, поэтому хорошо знал, что такое кочедык¹ и за какой конец его держат.

Ничего особо хитрого в изготовлении древней обувки нет, нужны только семь двухметровых полосок липового лыка и кочедык. Пока лыко намокало в реке, я вырезал узкую деревянную ложку с прорезью, которая должна была заменить кочедык из железа. Конечно, такой инструмент недолговечен, но для плетения четырех пар лаптей его должно было хватить.

Наверное, каждый из нас слышал в детстве сказку «Маша и медведь», вот такой заплечный короб из сказки я и намеревался сплести. Прибрежные заросли лозы послужили материалом для плетения короба, который с успехом заменил мне походный рюкзак.

Мало-помалу мои дела налаживались, и я постепенно обзаводился необходимыми в дороге вещами. На подготовку к путешествию у меня ушло чуть больше недели, и на восьмые сутки можно было смело отправляться в дальнюю дорогу. К этому времени я сумел сплести четыре пары лаптей, заплечный короб, пончо из тростника, а также подобие кепки из травы. Травмированный левый бок практически перестал болеть, и я уже не кривился от боли, тренируясь со своей палицей. Похоже, мое экстремальное приземление на вершину сосны обошлось без перелома, я отделался лишь сильным ушибом.

Прежде чем отправиться в дальний путь, я решил попытаться снять с дерева купол парашюта, который в сложившихся обстоятельствах мог принести много пользы. Однако экспедиция на место приземления закончилась неудачей, потому что залазить на высоченную сосну оказалось слишком опасно, и я не стал рисковать здоровьем. Увы, но мне пришлось ограничиться только куском веревки из парашютных строп, которую я обрезал на высоте четырех метров, привязав стропорез к длинной палке. Вернувшись в лагерь, я лег пораньше, чтобы хорошо отдохнуть перед дальней дорогой.

¹ Инструмент для плетения лаптей в виде плоского изогнутого шила. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Ночь прошла без происшествий, и мне удалось неплохо выспаться. Больше ничто меня на месте приземления не удерживало, поэтому сразу после завтрака я собрал вещи и направился вниз по течению реки. В дремучем лесу без компаса практически невозможно поддерживать нужное направление движения, а мне совсем не хотелось бродить кругами по бурелому. По этой причине я решил идти вдоль берега реки, которая должна была обеспечить меня водой и пропитанием. Торопиться мне было некуда, а потому я внимательно выбирал дорогу и старался подмечать все вокруг.

Любой человек в своей основе дитя природы, и гомо сапиенс, человек разумный, как вид сотни тысяч лет жил в природной среде и мало чем отличался от дикого зверя. По большому счету люди пользуются плодами технологической цивилизации всего несколько столетий, не утратив за это время всех своих природных возможностей. При правильном отношении к делу и продуманной подготовке налет цивилизации буквально за пару месяцев слетает с городского жителя, и генетическая память вытаскивает из подсознания наследие предков.

Наш ротный умел доходчиво объяснять правила поведения в лесу и горах, а те, кто не проникся его уроками, были первыми кандидатами, чтобы превратиться в «груз двести». В лесу бессмысленно вертеть головой во все стороны и стараться рассмотреть каждую травинку, потому что уже через полчаса глаз замыливается и сознание перестает обрабатывать поток ненужной информации. В таком состоянии не только тоненькую растяжку не заметишь, даже бревна под ногами не увидишь. Неделин учил нас сливаться с лесом и заставлял перед выходом в зеленку минут двадцать сидеть на земле с закрытыми глазами и стараться отрешиться от повседневных забот, чтобы очистить свое сознание.

Поначалу я посмеивался над этими медитациями, но вскоре втянулся в процесс и понял, что ротный абсолютно прав. Растворяя свое подсознание в окружающей природе, ты как бы становишься ее частью, после чего информация

поступает в мозг строго дозированно, очищаясь от «белого шума», которым заполнен наш мир. Наверное, многие замечали, что обычная кошка спокойно спит под рев рок-н-ролла из динамика усилителя, но стоит на кухне раздаться тихому шороху мыши, как она сразу просыпается. Примерно таким же образом работает и подсознание человека, слившегося с окружающей его природой. Ноги сами выбирают безопасную дорогу, а любой чужеродный предмет замечен издалека. В таком состоянии самый тихий посторонний звук слышится выстрелом из автомата, а запах табака или потного человеческого тела чувствуется за сотню шагов. При достаточном опыте и привычке — даже тоненький проводок растяжки перегораживает дорогу как железнодорожный шлагбаум. Правда, чтобы войти в это состояние, нужен особый талант, и только трем людям из десяти удастся в той или иной мере овладеть этим навыком. К счастью, я оказался одним из лучших учеников капитана Неделина, и проснувшийся древний инстинкт несколько раз спасал мне жизнь. Видимо, доставшийся Александру Томилину от отца абсолютный музыкальный слух имел такую же природу, что и древние знания наших предков.

Капитан Неделин, видимо, разглядел в сержанте-санинструкторе неплохие задатки разведчика и попытался сосватать меня в дивизионную разведку, обещая золотые горы. Однако мое медицинское начальство резко воспротивилось этим наездам, и я лишь от случая к случаю выходил на боевые операции с разведчиками.

Вскоре я на собственной шкуре узнал, что такое война, после чего меня можно было отправить в горы только по приказу. Война — это не кино, где главный герой всегда выходит сухим из воды, и здесь убивают по-настоящему, поэтому я наотрез отказался менять относительно спокойную должность санинструктора на посмертную славу лихого разведчика.

Хотя я уже очень давно не скитался по горам и лесам, навыки, наработанные во время службы, не пропали втуне, и их оказалось несложно восстановить. Это как ездить

на велосипеде — ежели один раз научился, то этот навык сохраняется на всю оставшуюся жизнь. Наверное, по этой причине уже через час после выхода из лагеря я полностью слился с окружающим миром, чем обезопасил себя от неожиданностей.

Лес вокруг меня был наполнен жизнью, и я вскоре стал его неотъемлемой частью, ничем не выделяясь на общем фоне. Местные обитатели, видимо, посчитали странного двуногого зверя с горбом на спине опасным противником и заблаговременно уходили с моей дороги. Я тоже не строил из себя короля джунглей и обходил стороной лежки кабанов и группы медведей, ловивших в реке рыбу, а потому продвигался по лесу без приключений.

За восемь дней, прошедших с начала путешествия, я уже стоптал пару лаптей и собрался устроить длительный привал, чтобы привести свою амуницию в порядок, когда случайно наткнулся на старое кострище. Это были первые следы человека, попавшиеся на моем пути, поэтому я отнесся к находке со всей серьезностью. Кострище, скорее всего, было прошлогодним, потому что молодая трава уже пробивалась через золу. При более тщательном осмотре выяснилось, что у костра ночевали три человека, и только одну ночь. К таким выводам я пришел, обнаружив рядом с кострищем три кучи засохшего лапника, на котором спали хозяева костра. Золы в кострище было немного, что также указывало на кратковременность привала, после которого люди покинули стоянку. Кроме кучки рыбных костей и следов топора на окрестном сухостое, ничего существенного, что помогло бы определить давность стоянки, обнаружить не удалось, и это наводило меня на неприятные мысли. На стоянках людей двадцать первого века всегда можно найти следы прогресса в виде упаковок от продуктов, консервных банок и пластиковых бутылок, а здесь даже огрызка газеты не было рядом с местом, где оправлялась эта компания.

Я решил обследовать местность вокруг кострища и направился к реке, в которой, скорее всего, и была поймана рыба, зажаренная на костре моими предшественниками.

Как я ни старался, но следов присутствия человека на берегу не отыскал, так как с той поры прошло слишком много времени. Однако я сделал другую весьма полезную находку, которая меня несказанно обрадовала. Этой находкой оказался кусок каменной соли, который вывалился из подмытого весенним паводком берега. Когда я спускался к воде, то увидел молодого лося, лизавшего какой-то камень, и догадался, что это неспроста. Теперь у меня появился запас соли, а это значит, что пресное рыбное меню значительно улучшится.

Тщательно обследовав обрывистый берег, я выяснил, что пласт каменной соли имеет толщину сантиметров двадцать и под углом в сорок пять градусов уходит в землю. Соляной монолит изобиловал вкраплениями песка и грязи, а потому требовал дополнительной переработки, но если меня действительно забросило в прошлое, то эта находка могла послужить начальным капиталом в новой жизни. Историк из меня аховый, но я где-то слышал про соляные бунты в Москве, поэтому постарался запомнить наиболее заметные ориентиры поблизости от своей находки и сделал отметины острым камнем на стволах нескольких деревьев.

После суточного привала я снова отправился в путь и уже утром третьего дня наткнулся на проселочную дорогу, уходившую через брод на противоположный берег реки. Дорога на первый взгляд казалась непроезжей, но, несмотря на то что она довольно сильно заросла травой, на ней была заметна свежая тележная колея. В результате более тщательного осмотра мне стало понятно, что по проселку никогда не ездили автомобили и, похоже, по нему передвигался только гужевой транспорт и пешеходы. Отпечатки лошадиных копыт тоже привели меня в недоумение, потому что только на паре следов я обнаружил подковы.

Проселочная дорога, а особенно странные следы на ней, вызывала у меня много вопросов, но эта находка четко указывала на то, что где-то поблизости живут люди и мое двухнедельное странствие подходит к концу. К выходу в свет нужно было подготовиться и привести себя в ма-

ло-мальски приличный вид, потому что я сильно поистерпался во время путешествия по лесу.

Чтобы меня не застали врасплох непрошеные гости, я вернулся по своим следам за излучину реки и устроил постирушку в небольшой заводи. Мыла у меня не было, поэтому я попытался получить щелок, растворив золу от костра в воде. Однако фокус не удался, и у меня получилась только грязная жижа, которая только добавит проблем. По этой причине мне пришлось ограничиться лишь полосканием одежды в реке.

Когда стирка была закончена, я развесил вещи на солнышке и занялся изготовлением фляги из бересты. Мне предстояло уйти в сторону от реки, которая обеспечивала меня водой, и нужно было позаботиться о ее запасе.

Конструкция берестяной фляги отработана веками, и на работу у меня ушло всего пара часов. Обрезать по кругу бересту с ближайшей березы дело нескольких минут, поэтому вскоре у меня был необходимый запас березовой коры.

Технология изготовления берестяной фляги довольно проста, и при наличии ножа смастерить ее несложно. Сначала нужно вырезать из бересты прямоугольник и сшить из него корпус фляги внахлест. Затем по размеру получившегося корпуса нужно сделать два одинаковых доньшка и вшить их лыком в корпус фляги. Шилом для прокалывания отверстий послужит любой заточенный сучок, а нитку заменит липовое лыко, которого у меня приличный запас в наличии. Когда фляга готова, все швы промазываются сосновой смолой, и можно заливать воду. Пробку для фляги выстругать проще простого — из подходящей по размеру ветки ближайшего дерева.

Пока сохла моя одежда, я искупался в реке и полюбовался на свое отражение в воде. За две недели скитаний по лесу на моем лице выросла короткая борода, которая в принципе мне шла. До этого бороду мне отращивать не доводилось, поэтому я не подозревал о том, что растительность на лице не портит мою внешность. Чтобы добиться

большого эффекта, я подправил бороду лезвием стропореза, которое давно заточил до состояния бритвы.

Закончив водные процедуры и доев на обед вчерашние запасы рыбы, я ненадолго прикорнул на солнышке, а потом занялся латанием высохшей одежды. Особого ущерба полученная месяц назад спецовка не понесла, поэтому мне пришлось сделать всего пару стежков из лыка в местах, где разошлись швы. Вечером я наловил рыбы, запек несколько штук на дорожку и завалился спать в березняке, где соорудил себе в кустах лежку.

ГЛАВА 3

Завтрак и утренние сборы не заняли много времени, и вскоре я отправился по свежим следам телег. Надо ли говорить, что идти по проезжей дороге намного легче, чем по руслу реки или по лесу вдоль ее берега.

Свежие следы присутствия человека, с одной стороны, радовали меня, а с другой — пугали. Далеко не факт, что местные жители говорят по-русски и у них не вызовет подозрений чужеземец в странной одежде, которого могут и грохнуть в запале. Видимо, я потерял концентрацию, увлекшись тревожными мыслями и прокручивая в уме различные варианты своих действий при встрече с местным населением, и едва не подпрыгнул, услышав за спиной грубый окрик:

— Постой, паря! Куды разогналси?

Я медленно обернулся на голос и увидел, что из кустов мою сторону быстро шагают четыре бородатых субъекта в странной одежде. Остановившие меня мужики смахивали на разбойников из массовой исторического фильма, но выглядели слишком натурально. К счастью, местные гопники оказались ниже меня ростом почти на голову, что давало неплохой шанс отмахнуться от нападения и просто убежать, а бегал я шустро. Однако все четверо были широки в плечах и явно не страдали дистрофией, что тоже не есть гут.

От этой странной компании буквально несло угрозой,

поэтому у меня не возникло ни малейших сомнений, что сейчас меня будут грабить. Двое налетчиков были вооружены топорами, третий нес на плече дубину, а окликнувший меня главарь ловко крутил пальцами здоровенный тесак.

— Че раззявился? Скидавай котомку и одежду, пока я не осерчал! — рыкнул на меня главарь, когда подошел поближе.

Александр Томилин никогда труса не праздновал, но грабили меня впервые в жизни, и я банально растерялся. Как говорится, компьютер завис, после чего я впал в ступор. Бандиты, увидев растерянную рожу своей жертвы, рассмеялись, а главарь ткнул меня кулаком в плечо и снова заявил:

— Скидавай одежду! Кому говорю?

Удар в плечо прозвучал командой к действию, и я, врезав главарю в ухо, сразу бросился бежать, виляя из стороны в сторону, словно заяц, удирающий от лисы. Армейские рефлексы, вбитые в подсознание кулаками инструкторов по боевой подготовке, сработали как положено и уберегли меня от лишней в организме дырки. Тот, кто побывал в бою, прекрасно знает, что бежать под огнем по прямой — это верный способ словить пулю, поэтому моими действиями руководили инстинкты. Неординарное поведение перепуганной жертвы, видимо, озадачило бандитов, что спасло меня от неминуемой смерти. Уже через пару секунд возле уха просвистела стрела, воткнувшаяся в ствол здоровенной сосны, после чего я подпрыгнул как кенгуру и, прикрыв лицо руками, вломился в кусты.

Дуновение смерти сразу вернуло мне возможность соображать, и сознание заполнила дикая злоба.

«Эти суки хотели меня убить! И куда это я бегу как заяц? Саня, ты уже добегался до прыжка в прошлое! Что, так и будешь весь остаток жизни бегать? С обделанными штанами далеко от судьбы не убежишь!» — выругался я про себя.

Эта фраза промелькнула в голове за долю секунды, и уже через мгновение испуганный беглец превратился в

охотника. Заплечный короб полетел в кусты, а я нырнул за ствол ближайшей сосны и стал ждать своих преследователей. Эффект погони хорошо известен любому мужчине, который участвовал в уличных драках. Если не спеша отходишь от противника, то он не всегда решается напасть, а за бегущим человеком мгновенно начинается погоня. Грабители не стали исключением из этого правила, и вскоре мимо сосны пробежал главарь банды. Моя рука не дрогнула, и палица с хрустом впечаталась преследователю в затылок.

«Один готов!» — открыло счет подсознание, и я обратным хватом воткнул в живот заостренный конец дубинки бежавшему следом за вожаком бандиту.

«Два — ноль!» — продолжил счет внутренний голос.

Тело двигалось на автомате, словно на тренировке по рукопашному бою, но меня поджидала засада. Рукоятка палицы застряла между ребер второго бандита, и тот, падая на землю, вырвал ее у меня из рук. В рукопашном бою нельзя стоять на месте, необходимо постоянно смещаться, меняя дистанцию и сбивая прицел противнику. Следуя этому правилу, я резко отпрыгнул в сторону, и топор третьего преследователя прошел буквально в сантиметре от моего плеча. Топор штука тяжелая, поэтому противник по инерции провалился вперед и фактически сам напоролся горлом на заостренный колышек, заменивший мне кинжал.

«Третий», — отметило подсознание.

Четвертый бандит, увидев скорую расправу над своими подельниками, видимо, понял, что настал его черед отправляться на небеса, и остановился как вкопанный. Резать глотки другим и умирать самому — далеко не одно и то же, а потому перепуганный урод завизжал, словно свинья под ножом мясника. Истошный визг резанул по нервам, и, чтобы заткнуть крикуну рот, рука на автомате воткнула ему в висок окровавленный кол. Вопль оборвался. Я подобрал с земли выпавший из руки покойника топор и, пригнувшись, осмотрелся.

Где-то по лесу еще бродил лучник, задолжавший мне

жизнь, а я совсем не собирался вечно оставаться его кредитором. Если бы не выпущенная им стрела, едва не оборвавшая мою жизнь, то, скорее всего, не случилось бы никакой бойни. Я просто бы убежал в лес без оглядки, и мы разошлись бы миром. Увы, но сейчас у моих ног лежали четыре трупа, поэтому сволочь, которая все это затеяла, должна ответить по кровавым счетам!

— Батя, ты где?! — раздался громкий крик со стороны дороги.

Я среагировал мгновенно и, прикрывая рот рукой, чтобы мой голос звучал невнятно, крикнул в ответ:

— Мы тут! Иди сюды!

На удивление, моя уловка сработала, и вскоре через кусты продрался молодой парнишка с луком в руках. Я выскочил из-за сосны, словно черт из табакерки, и парень, удивленно вылупив на меня глаза, спросил:

— А где батя?

Удар кулака сбил его на землю, и уже через минуту юнец был связан по рукам и ногам собственным кушаком.

Пока пленник лежал в отключке, я, чтобы заполнить для допроса более взрослого языка, проверил, не остался ли кто из бандитов в живых. Увы, но все нападавшие уже отправились в мир иной, а потому мне пришлось срочно заняться мародерством, пока трупы не заоченели, иначе потом будет сложно раздеть покойников. Добыча была невелика — помимо ножа главаря и двух топоров, поживиться было нечем. Кривясь от отвращения, я раздел мертвецов и собрал в кучу наименее испачканную в крови одежду. Очнувшийся лучник, увидев, чем я занимаюсь, жалобно заскулил. Пришлось прервать свое занятие и приступить к допросу пленника.

Допрос очень походил на разговор глухого с заикой, потому что мы понимали друг дружку через слово. Парень говорил по-русски, но пользовался не привычным для меня русским языком, а каким-то малопонятным деревенским суржилом. Мало того что некоторых слов я просто не знал, так он еще коверкал даже знакомые слова.